

О.Г. Щитова

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVII В.)

Томский государственный педагогический университет

Региональный компонент образования позволяет удовлетворить потребности общества в овладении культурными ценностями родного края, что является одним из путей воспитания гражданского сознания в социуме, находящемся в переходном периоде от тоталитарно-идеологической парадигмы общественных отношений к демократической. Сибирь, не знавшая крепостного права, и Томск, ставший местом ссылки для людей разной этнической принадлежности, политических убеждений и социального положения, представляют собой уникальный опыт функционирования культуры в экстремальных социально-политических условиях. Непрерывность воплощения регионального принципа образования достигается путем введения факультативных курсов для старшеклассников средней школы, затем – специальных курсов для студентов педагогического университета и, наконец, для аспирантов и учителей в послевузовском образовании.

Взаимодействие культур разных этнических общностей неизменно отражается на языковом уровне. Следствием такого взаимодействия является появление в системе контактирующих языков лексических заимствований. «Зоны межъязыкового и межкультурного сближения этносов с течением времени варьируются, поэтому диахроническое сопоставление пластов заимствований может быть полезным для своеобразного “картографирования” этнического языкового пространства с целью выявления в нем очагов культурноязыковой и социальнополитической иррадиации» [1, с. 131]. Покажем, как лексические заимствования в русском языке XVII столетия, вошедшие из польского, позволяют обнаружить точки соприкосновения и взаимодействия двух и более культур. Материалом для исследования послужили томские памятники деловой письменности XVII в. Как дополнительный источник в целях реконструкции лексики иноязычного происхождения использовались документы тех регионов, откуда прибывали поселенцы на жительство в Томский острог, а также данные Картотеки Древнерусского словаря (КДРС) и Словаря русского языка XI–XVII вв. РАН (г. Москва).

Со времени появления труда Н.А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую

эпоху» и выхода в свет диссертации В. Христиани «О проникновении иноязычных слов в русский литературный язык XVII и XVIII вв.» в лингвистической литературе укоренилось мнение о том, что в лексике допетровской эпохи западноевропейские заимствования были представлены лишь редкими единицами и их массовое проникновение началось в эпоху Петра. Еще А.И. Соболевский и И.И. Огиенко в своих рецензиях на книгу Н.А. Смирнова привели свидетельства в пользу того, что определенный круг более ранних заимствований необоснованно приписывается Петровской эпохе. Проблема иноязычного компонента лексики в русском языке XVII в. до сих пор остро стоит в лингвистике.

Изучение языка томских деловых документов XVII в. позволяет убедиться в том, что в разговорной речи томичей, живших на периферии огромного Московского государства, во многом наблюдаются те же тенденции, что и в речи жителей его центральных территорий. Томск с самого начала своего существования находился в контексте диалога культур. Возможно, именно вследствие этого Томск стал университетским городом, поскольку в нем с самого его основания возникла поликультурная среда.

Томский острог начал возводиться в 1604 г., поэтому томские говоры характеризуются как ранние переселенческие; они относятся к говорам вторичного образования, так как в Томский острог приезжали жители центральных, северных и южных районов Московского государства. Для того чтобы выяснить причины появления польских заимствований в речи томичей, необходимо обратиться к истории иноязычных контактов русских говоров допетровской эпохи, являвшихся материнскими по отношению к томским. «К исходу XV в. сношения Московского двора и рынка с Западом были уже завязаны... Правда, эти сношения ограничивались потребностями политики и торговли и еще не разрастались в общую культурную связь» [2, с. 9]. Русское государство остро нуждалось в расширении связей с европейскими странами: речь шла не только о торговле – в перспективе эти связи сулили новые возможности в преодолении отсталости.

Во время Ливонской войны Ивана Грозного во II половине XVI в. усилился приток людей в Моск-

ву через ее западную границу, около 9 000 «ливонских полоняников», или «немцев», были расселены по разным городам. При Грозном «весь рабочий люд, живший и трудившийся тогда на путях торгового оборота Москвы с заграницей, вступил тогда в деловые связи с иностранными купцами, служил им на пристанях и судах, на сухопутных дорогах и на гостиных дворах – словом, всюду, где двигался и хранился заморский товар. Население тех городов, куда внедрялись на житье или на службу пленные “немцы”, привыкло видеть их на улицах и рынках, даже в собственных домах на временном постое» [2, с. 33–34].

Начало XVII столетия – Смутное время, когда Дмитрий «сам на себя возложил царское имя». Вступив в Кремлевский дворец, Самозванец привел туда с собою много иноземцев (около 2 000), с которыми он не хотел и не мог порвать завязанных в Польше отношений. Это были прежде всего поляки.

На лексическом строе русского языка XVII в. не могли не сказаться контакты Московского двора и рынка с Западом, завязанные еще задолго до XVIII в. До Петровской эпохи западноевропейские заимствования проникают не только в русский литературный язык, но и в разговорную разновидность русского национального языка, разговорную речь жителей окраинных, удаленных от центра русского государства территорий. Иноязычная лексика в томских документах XVII в. представлена конкретными именами существительными – номинациями, аутентично воспроизводящими специфические реалии, появившиеся в жизни русских в условиях культурного контакта с другими этносами. Важную роль для Московской Руси, разоренной к концу XVI в. 25-летней Ливонской войной и опричниной, играла торговля с западными странами, и большим спросом пользовались привозные товары. Западноевропейские товары направлялись в Московское государство через Архангельск – единственный порт России XVII в. Корабли выгружали кипы шелковых, шерстяных, полотняных и бумажных материй, золотые и серебряные кружева, жемчуг, драгоценные камни и украшения, золото, серебряную посуду, бочки с пряностями, винами, сушеными и засахаренными фруктами, меха, слоновую кость, краски, ладан, зеркала, писчую бумагу, стеклянную, медную и оловянную посуду, железо, медь и олово, артиллерию и легкое огнестрельное оружие, лошадей и многое другое [3, с. 14]. «Помимо значения Архангельской торговли для окрестного населения, она содействовала установлению связей Поморья с отдаленной Сибирью, откуда приезжали в Устюг для закупки всего, что требовалось для жизни этой колонии, где еще не успели развиваться собственные промыслы. И здесь опять же важную роль играли все те же иностранные то-

вары» [3, с. 25]. Другим торговым центром, на западной границе России, был Смоленск, через который производилась торговля с Польшей и Литвою [3, с. 28].

Заграничные вещи не сосредоточивались среди одного московского населения или среди высших слоев общества. Они направлялись во все местности государства, попадая в самые дальние углы его. Московское государство было прямо насыщено иностранными товарами. Отчасти они попадали к населению путем обычной торговли, но значительную роль здесь играло и правительство: служилым людям выдавались в награду за служебные отличия сукна, камки, тафты; иногда часть жалованья им выдавалась материями, пряностями и другими привозными предметами. Ежегодно большое количество их высылалось в Сибирь на жалованье служилым людям, ружникам и оброчникам [3, с. 114–115].

«Црвичям Яков поднесль **торел** золоченую оловяную да два достокана золоченых». 1645 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 251).

Русское слово *торБль* (*торель*) ‘тарелка’ было заимствовано через польское *talerz* ‘то же’ и средневерхненемецкое *talier* ‘то же’ из итальянского *tagliere* ‘то же’, производного от *tagliare* ‘резать’, восходящего к народнолатинскому **taliare* ‘надрезывать’ < *talea* ‘черенок’ [4, IV, 24; 5, II, с. 229].

Заграничная посуда из благородных металлов: золотая и серебряная – в XVII в. привозилась в Россию преимущественно с Запада. Существовала градация в пожаловании предметами – послов, полковых воевод и т.д. Оловянная посуда была широко распространена в стране, но «указаний на ее изготовление в России нам не встретилось. Если ее и делали, то, очевидно, в очень небольшом количестве, т. к. ее много привозили из заграницы» [3, с. 77]. Посуда, поступающая через Архангельск, развозилась по разным местностям Московского государства, в том числе и в Сибирь. Торговля через Архангельск не была частной, стихийной, а носила универсальный характер и была очень важна для Московского государства. Многие товары, «еще не достигнув центра государства, растекаются по разным углам его, попадая и в Кострому, и в Нижний, и в полузатскую Казань, и в далекую Сибирь, и в глухие местности Поморья» [3, с. 19] (курсив мой. – О.Щ.).

Следующее доказательство культурно-языковой иррадиации наблюдаем в томском деловом документе «Из сысского дела о князе Егупове-Черкасском»:

«И он де ОндрѢи тоѢ челобитную и явку положил к себѢ в **шкатулу**... а гдѢ онѢ ОндрѢи тоѢ челобитную и явку дѢль и гдѢ тѢ памяти дьяка ОндрѢя Строева руку князь Микита взял того он Самоилко не вѢдает». 1627 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 181, л. 204).

Русское наименование небольшого сундука *шкатула* [5, II, с. 415] считается, с точки зрения М. Фасмера, заимствованным через польское посредничество [4, IV, с. 447] (польск. *szkatuła* ‘коробка, сундучок’). П.Я. Черных допускает возможность вхождения данной номинации в русский язык при посредстве зарубежных славянских языков, а не только польского (ср.: с.-хорв. *škātuła*, словен. *škatlá*, чеш. *škátule* ‘шкатулка, коробка’). Первоисточником является средневековое латинское *scatūla*, давшее начало итальянскому *scatola* ‘коробка, шкатулка’.

В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных читаем: «В русском языке слово *шкатула* известно с первых десятилетий XVII в., но сначала употр. в знач. ‘царская сокровищница’ (она находилась в ведении дьяка Мастерской палаты). См. в “Государевой Шкатуле”, в записи от 17-XII-1627 г.: “государь выдал из *шкатулы* околничему... три яхонтика червчаты”... В совр. знач. *шкатула* появляется несколько позже, в начале XVIII в.» [5, II, с. 415]. В приведенном нами отрывке из томского делового документа, из сыскного дела о князе Егупове-Черкасском, по времени совпадающего с предыдущим контекстом, значение слова *шкатула* не совпадает с зафиксированным в словаре П.Я. Черных и может быть сформулировано как ‘небольшой сундук или коробка для хранения ценных предметов’. Очевидно, что в томском памятнике нам встретилась одна из первых письменных фиксаций анализируемой лексемы в русском языке (в мангазейских памятниках XVII – первой половины XVIII вв. она не обнаружена [6]; М. Фасмер датирует ее появление в русской письменности 1708 г.). Данный иноязычный неологизм функционально еще недостаточно освоен: в томских памятниках начала XVII в. вместо него часто употребляется слово *коробка*. Приведем пример из томских таможенных книг: «...дюжина коробок немецких малых двенадцат алтын». 1624 г. (Томские таможенные книги, л. 8 об.); «...полдюжины зеркал немецких дюжина коробок немецких». 1624 г. (там же, л. 11). Атрибутив *немецких* указывает на происхождение предмета – ‘западноевропейского образца, западноевропейского происхождения (о товарах, породах животных)’ [7, с. 169].

Поскольку в Томском остроге первой половины XVII в. из нерусских славян было большое количество поляков, то можно согласиться с мнением А. Брюкнера и М. Фасмера о польском посредничестве при заимствовании анализируемого слова из итальянского языка в русский. Участие немецкого языка в начальном [ш] можно исключить, так как нем. *Schatulle* появилось в самом конце XVII в. [8, с. 198].

В шкатулах нередко помещались рукодельные принадлежности, в том числе иглы *шпанки*. Ср. дан-

ные КДРС: «...в шкатуле черной немецкой 33 моточка золота волоченого...» (Чт. О.И.Д.Р., 1887, III, 73). В томских таможенных книгах зафиксировано название иглы *шпанка* ‘привезенная из Испании (об игле)’, которое является оформленным при помощи суффикса -К- заимствованием, восходящим к польскому *hispan* ‘испанец’ [4, IV, с. 470]: «...четыре фунта белил тысяча иголь **шпанокъ** двести пугвиц оловяных...» 1649 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 251, л. 9). Из многочисленных рукодельных инструментов, поступавших из заграницы, «на первом месте стоят иголки («шпанские»), привозившиеся бочками» [3, с. 101].

К рукодельным принадлежностям относится и сученая шерстяная пряжа, шерсть для вязания и вышивания – *гарус*. Данная лексема была реконструирована нами для томской разговорной речи XVII в. на основе зафиксированного в томских таможенных книгах деривата *гарусный* и данных КДРС, в которых производящее слово (*гарус*) зафиксировано как функционировавшее в XVII в. в материнских говорах.

Русское *гарус* ‘сученая шерстяная нитка’ заимствовано через польское *hargas* (XV в.) из немецкого *Arras, Hargas*, которые восходят к названию города Аррас в Северной Франции (4, I, с. 395):

«...чекмени сермяжные, сукно аглинское, половинки лятчины кошки индБйскія... сукно гамбургское, пояса *литовские гарусные*... верхки шапошные аглицкіе...» 1640 г. [9, с. 147]. Данный контекст, на наш взгляд, подтверждает, что изготовленные из гаруса предметы, в данном случае пояса, в языковом сознании жителей Томского острога отмечены как «литовские», т.е. соотносятся с «литвой» – этносом Польско-литовского государства. В томских таможенных книгах атрибутив *гарусный* устойчиво уточняется прилагательным *литовский* и без него не употребляется: «9 поясов *гарусных литовскихъ* рубль 11 алтын 4 денги» [9, с. 145]; «пять поясковъ *гарусных литовскихъ*». 1649 г. (РГАДА, ф. 214, стб.251, л. 3); «десять поясковъ литовскихъ гарусных» (там же, л. 5). Ср.: «сорок поясков *нитяных* 13 алтын две денги» (томские таможенные книги 1624–1625 гг., л. 8). Очевидно, что в обиходе томичей были также не литовские, а *нитяные* пояски, гораздо более дешевые.

В Россию в XVII в. привозились из заграницы материи: шелковые, шерстяные, бумажные и полотняные. Шерстяные материи доставлялись исключительно с Запада, главным образом из Англии (английское сукно считалось лучшим), Голландии и Гамбурга, а также из Польши (см. [10]). В подтверждение этого приведем отрывок из «памяти целовальникам»:

«...в Сибирском приказе... сибирские служилые люди... сказали которые товары сукна **кармазины**

и полукармазины и *аглинские* и одинцовые и косторжи и *анбурские* и летчины и яренки и стамеды и дараги и кумачи и юхотные красные яловичи кожи и королки красные по указу великого гсдря... велено послать в Сибирь в Томской...» 1638 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 1703, л. 205).

Название ткани темно-красного цвета *кармазин* было заимствовано в русский язык в XVI в. через польское *karmazyn* или немецкое *Karmesin* 'то же' из итальянского *carmesino*, восходящего к арабскому *qarmazī, qirmizī* 'ярко-красный, багряный' от древне-индийского *kṛmīṣ* 'червь' [4, II, с. 201]. Польский язык в данном случае является возможным посредником при передаче слова из западноевропейских языков в русский [11, с. 65]. Здесь на языковом уровне находит отражение диалог нескольких культур: русской, польской, немецкой, английской, итальянской и др.

Лексема *кармазин* была воспринята русским языком в значении 'темно-красный цвет'. Об этом свидетельствует одна из первых известных письменных фиксаций его в грамоте новгородца из Москвы второй половины XVI в.: «...будет мошно... и камокъ **кармазину** и иными цветами... и ты их промысли» (Ревел. а. 1, 87). В таком же значении данное слово встречается в томских деловых бумагах: «...велѣти дать гсдрва... жалованя Томсково города детем боярским... камка **кармазин** добрая да сукно аглинское доброе...» 1632 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 31, л. 331). Среди названий тканей функционировало слово *скорлатъ*, проникшее в русский язык из итальянского в XIII в. и имевшее значение 'пурпурное сукно': «5 аршин сукна червчетого скорлату». 1635 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 345). Таким образом, в языке XVII в. оказываются две номинативные единицы, два синонима, характеризующие ткань по ее насыщенному красному цвету. Взаимовлияние этих синонимов привело к появлению у номинации *кармазин* второго значения. Она стала употребляться для называния дорогого тонкого сукна, чаще ярко-красного цвета [6, с. 183]. Словосочетания с атрибутивными отношениями их членов свидетельствуют о том, что слово *кармазин* могло обозначать ткань не только красного цвета. Например: «полдесята половинки сукон полукармазинов *розными цветами* в том числѣ половинка *темна зеленая*». 1638 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 1703, л. 194) [полукармазин – сукно невысокого качества с добавлением бумажных волокон, менее тонкое, чем кармазин]. Неустойчивость лексического значения лексемы *кармазин* нашла отражение в материалах КДРС. Она может быть названием «сукон... розных цвѣтовъ» (1683 г. ДАИ X, 373): «послано кармазину *красного да темнозеленого*» (1669 г. ДАИ V, 419), «послано... восемь портищъ сукна *сѢрого* кармазину, четыре портища сукна *бѢлово*, кармазину жъ, по

пяти аршин въ портищѣ» (1678–1681 г. ДАИ VIII, 46). В других контекстах актуализируется компонент значения, связанный с алым цветом ткани: «... сани, обиты сукном *алым* кармазиннымъ» (1696 г. СГГД, ч. IV, 650), «...куплено отласу кармазинного цвѣту» (1669 г. Кн. прих.-расх. Иверск. м. № 53, л. 308–308 об.). Окончательное становление значения заимствования *кармазин*, связанное с выдвиганием на первый план семантической структуры слова семы 'ярко-красный, багряный', выходит за пределы XVII в. Ср. фиксацию данного слова в письмовнике Н. Курганова (XVIII в.): «шарлатъ, кармазинъ, алой цвѣтъ, багоръ» (КДРС).

Впечатление глубокого проникновения иноземного влияния в русский быт еще более усилится, если вспомнить, что нами рассмотрена в основном лишь одна из форм этого влияния – привозные товары. В действительности оно было гораздо шире, так как «приезжие... мастера своими изделиями прививали вкус к иноземным стилям. В XVII в. в Россию везлось из заграницы много... изделий, но и в самой России делалось, может быть, еще больше подобных им предметов» [3, с. 115].

В первые годы после Смутного времени в Московском государстве происходила перестройка армии по западному образцу, где военное искусство «обратилось в особое весьма разработанное ремесло» [2, с. 57], и крайне важными элементами культурного заимствования представлялись реалии из области военного дела. Для Томского острога, воздвигнутого с целью укрепления русских в Сибири, это было особенно актуальным вследствие необходимости обороняться от набегов местных татар.

Исключительное значение для Томского острога имели оборонительные и наблюдательные сооружения – башни, и им уделяется пристальное внимание при описании города и острога. Поэтому большой частотностью употребления в томских памятниках письменности XVII в. характеризуется заимствованное в XVI в. из польского языка наименование укрепительного сооружения *башня*, которое представляет собой морфолого-словообразовательное переоформление с помощью финали -НЯ (ср. *колокольня, караульня*) более старого заимствования из польского языка – *башта*. Польское *baszta* 'башня' восходит к итальянскому *bastia* 'крепость, укрепление' (4, I, с. 139; 11, с. 41). «Стѣна городова передняя к острогу, а по срединѣ стѣны **башня** трех сажень печатных...» 1627 г. [9, с. 24].

Польское *zbroja* 'вооружение, снаряжение, доспехи' в конце XVI в. послужило источником заимствования для русского *збруя* (4, III, с. 568). В момент заимствования было воспринято два значения польского слова: 'доспехи' и 'снаряжение' (ср. польск. *zbrojownia* 'склад оружия, арсенал'). Оба эти значения актуализированы в челобитных слу-

жилых людей: «...смилуйся пожалуй нас холопеи дати из своеи црьской казны воинской **збруи** пансырей...» 1629 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 179), «...и лошединые их **збруе** ж ... красноярским служилым людям задору чинили...» 1646 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 26); второе значение зафиксировано в челобитной Осипа Щербатого: «...а взяти б у него Мелентья за тѢ твои гдрвы пенные денги конскою **збруею** и ожерели...» 1646 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 251, л. 83). В польском языке *zbroja* является военным термином, а русское *збруя* обозначает как снаряжение воинов, так и принадлежности для запряжки лошадей. В томских документах XVII в. полонизм *збруя* часто служит для номинации доспехов, а в дальнейшем развитие семантики заимствования идет по пути вытеснения первого значения вторым.

В томских деловых документах XVII в. среди западноевропейских заимствований было обнаружено около 34 % лексических единиц, вошедших в русский язык из польского (для слов *атлас*, *кармазин*, *мушкет* [11, с. 65, 82] нельзя однозначно определить источник заимствования, считается, что они вошли в русский язык из польского или немецкого языков). В основном это хозяйственно-бытовая лексика: *торель*, *шкатула*, *шпанка*, *гарус*, *стикидар* (скипидар), *милдал* (миндаль), *мушкат* (мускат), – а также лексика военного дела: *башня*, *збруя*, *полковник*, *пушка*, *рейтар*, *ротмистр*.

Польский язык в значительной степени выступает для носителей русского языка (жителей Московского государства вообще и Томского острога в частности) проводником западноевропейской культуры. Об этом свидетельствует тот факт, что в процессе заимствования слов из польского языка в русский для значительной их части (около 80 %) поль-

ский язык является языком-посредником при переходе из других, в основном германских или романских языков. Довольно часто польский язык транслирует западноевропейские номинации, не претерпевая изменений ни в их форму, ни в значение (38 % от числа всех языковых единиц, вошедших в русский язык из польского).

Исконно польских слов в томских деловых документах встретилось около 20 % от числа всех заимствований из польского языка.

В заключение можно сделать следующие выводы:

– Наличие в томских деловых документах XVII в. заимствований, вошедших из польского языка, влияние польского языка на русский, безусловно, является отражением диалога русской и польской культур, основными зонами соприкосновения которых в XVII в. является обиходно-бытовая сфера и военное дело.

– Зарубежные славянские языки, и более всего польский язык и польская культура, служат для России XVII в. проводниками западноевропейской культуры.

– Иноземное влияние на Московское государство XVII в. можно назвать именно диалогом культур, так как русские люди часто перенимали опыт зарубежных мастеров и таким образом сами производили аналогичные предметы.

– С другой стороны, последнее характеризует и культуру русскую, так как она оказалась способной воспринять эту инославянскую (католическую) культуру и обогатиться ею.

– Многовековой опыт Сибири свидетельствует о формировании модели культуры, манифестирующей толерантность в межэтнических отношениях.

Литература

1. Немищенко Г.П. Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. М., 2002.
2. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925.
3. Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1993.
6. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1986.
8. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Leipzig, 1975.
9. Головачёв П.Г. Томск в XVII веке. Б. м., б. г.
10. Шитова О.Г. Лексико-семантическая группа названий шерстяных тканей в томских деловых документах XVII в. // Мат-лы Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». А. Актуальные проблемы русистики. Ч. I. А1. История языка // Альманах «Говор». Сыктывкар, 1996.
11. Leeming H. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696: Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.